

Чепель Н. П.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ИСТОРИЗМОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/63.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 163-166. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ду нами есть писатели, которые ради оригинальности коверкают и терзают русский язык, как в пытке <...> И так, просим взглянуть в книгу под названием «Миргород», <...> Там есть такие фразы, что сам Эдип не разгадал бы их. Перекорчено, перековеркано, до нельзя <...> Разве подобное *просторечие* может иметь место в литературе?» [Там же: 48].

Категория разговорности в литературном языке первой половины XIX в. еще не сформировалась как лингвистическое и стилистическое понятие, такой пометы нет в словарях XIX в. Хотя, по мнению К. А. Войловой, сама разговорная или устная разновидность русского литературного языка образовалась на рубеже XVIII - XIX вв. в результате синтеза книжных и просторечных единиц [Войлова 2000: 18], в то время как *собственно* просторечие оформилось во второй половине XIX в. [Там же: 113]. В Словаре Даля «разговорная речь, язык, слог» означают «простой, как говорят обиходом» [СД, IV: 24]; «*письменный слог, язык*» не только противопоставлен устному как письменная форма языка, но и характеризуется как «напыщенный и искусственный, в котором нет простоты» [Там же, III: 114]; в качестве синонима к слову «*письменный*» можно рассматривать понятие «*книжный язык*», отличающийся изысканностью и высокопарностью [СД, II: 125]. Терминов «народный», «народно-разговорный» применительно к характеристике языка в Словаре Даля не отмечено, только «простонародный говор, язык» с синонимами «простой», «низкий» [Там же, III: 514; II: 545]. Можно заметить, что в Словаре Даля сохраняется синонимия понятий *народный - простонародный*, характерная для XVIII и начала XIX вв. К. С. Аксаков, говоря о русском языке в XVIII в., отмечал, что он «оставался разговорным и исключительно национальным» [Аксаков 1875: 258], подчеркивая таким образом его неписьменный и некнижный характер. Лексикографическая помета «разговорное» как одна из форм устной речи появляется впервые в Словаре Ушакова: «Разговорное означает: свойственно преимущественно разговорной речи; не нарушает норм литературного употребления, но, употребленное в книжном языке, придает данному контексту некнижный, разговорный характер» [СУ, I: L]. Но, как справедливо заметила К. А. Войлова, «сущность понятий нейтральности, книжности, разговорности, просторечности изучена недостаточно полно ни в истории русского литературного языка и стиля, ни в современной стилистике» [Войлова 2000: 130], поэтому и в современной русистике соотношение литературного, общенационального и различных форм разговорной речи рассматривается по-разному.

Антитеза *литературный язык ~ народный язык* оказывается зависимой от решения главного вопроса в оценке культурно-языковой ситуации первой половины XIX в. - вопроса о *народности* языка и литературы, т.е. как и какими средствами литература и язык должны стать подлинно народными. В ответе на этот вопрос общефилософское и идеологическое противостояние находит конкретную реализацию, поскольку «идеологические взгляды складываются и проявляются прежде всего не в сфере отвлеченного мышления, а в сфере обобщающе-оценочных представлений людей, непосредственно возникающих во всей конкретности их общественных отношений и вызывающих соответствующие чувства, эмоции, настроения, стремления, а затем и действия» [Поспелов 1978: 79-80]. Характеристика современной культурно-языковой ситуации и определение перспектив ее развития, изменения зависят в значительной степени именно от понимания того, что такое народный язык, каковы его социальные границы и степень взаимодействия с «правильной» литературной речью.

Список использованной литературы

1. Аксаков К. С. Полн. собр. соч.: В 3-х томах. - М., 1861-1880. - Т. 2. - Ч. 1.
2. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. - М.; Л., 1949. - Т. I.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. - М., 1982.
4. Войлова К. А. Судьба просторечия в русском языке: Докт. дис. - М., 2000.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1955.
6. Поспелов Г. Н. Теория литературы. - М., 1978.
7. Складневская Г. Н. О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное»: Докт. дис. - Л., 1972.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. - СПб., 1806-1822. - Ч. I-IV.
9. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. - М., 1959.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М., 2000.
11. Грубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живова. - М., 1995.
12. Ушаков Д. Н. Русский язык. - М., 1995.
13. Шоцкая Л. И. Народно-разговорная речь как источник обогащения словарного состава русского литературного языка (30-40-е годы XIX века): Докт. дис. - Иркутск, 1973.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ИСТОРИЗМОВ

Чепель Н. П.

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Перевод всегда был и остается средством взаимного сближения культур и народов. Перевод связывает не только языки - язык оригинала и язык перевода, он соединяет разные культурные пласты, разные нации, различные эпохи исторического развития, прошлое и современность. Переводное произведение не суще-

стует само по себе, в нем всегда "просвечивает" оригинал с иными обычаями и традициями, именами, географическими названиями. Следовательно, перевод всегда амбивалентен, поскольку принадлежит одновременно двум культурам, - культуре, породившей идею, и культуре, ее воспринявшей, автору, создавшему текст на одном языке, и переводчику, перевыразившему его на другом.

Современный человек живет в культурной среде, складывающейся в течение столетий. Эта среда представляет собой сложное явление, незаметно воздействующее на человека и определяющее его мировоззрение, поступки и мышление. Одним из элементов этой культурной среды, являющимся одновременно и результатом развития цивилизации, средством фиксации ее истории, и одним из средств ее формирования, является язык.

Коллекция и информативность являются теми существенными свойствами языкового знака, которые лежат в основе его важнейшей функции наряду с коммуникативной - функции кумулятивной. Язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, служит «хранилищем» и средством передачи внеязыкового коллективного опыта.

Наиболее ярко кумулятивная функция проявляется в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере, чем, скажем, грамматическая, обусловлена явлениями материального мира, социальными факторами. Прежде всего, в лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа. Можно сказать, что существование тех или иных лексических единиц объясняется практическими потребностями.

В семантике каждого языка есть отражение как своеобразия культуры конкретного народа, так и общего, универсального компонента культур. Последний обусловлен единством видения мира людьми разных культур: в любой культуре говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, тех или иных пространственных и временных отношений. Итак, общее видение мира у всех народов одинаково, но в культуре каждого народа существуют явления, понятия, предметы, присущие только этому конкретному народу, связанные с его историческими, географическими, социально-политическими и другими условиями бытования.

При изучении национально-культурного содержания языка, т.е. особенностей общественного устройства, обычаев данного народа, искусства, литературы, науки, быта, фольклора многие учёные придавали особое значение реалиям.

Затрагивая тему реалий, переводоведы дают различные определения этого понятия, отмечая те или иные признаки этих лексических единиц, используют неодинаковые термины для их обозначения. Выработка единого определения осложняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что разные ученые по-разному решают вопрос о том, следует ли считать реалиями только предметы, понятия и явления или относить к ним также языковые единицы, обозначающие эти предметы, явления и понятия. Отсюда - двойственное понимание реалий: реалия как предмет, явление, понятие, характерное для истории, культуры, быта одного народа, и не встречающееся у других народов, и реалия - как слово, обозначающее такой предмет, явление, понятие.

Мы будем использовать термин «реалия» в значении «реалия-слово». Реалии - слова, служащие для обозначения предметов, понятий и явлений, отсутствующих в иной культуре и ином языке, относящиеся к частным культурным элементам, не имеющие устойчивых эквивалентов за пределами языка, которому они принадлежат. На наш взгляд, такое определение очень точно определяет место реалий в лексической системе языка.

По сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалий является характер их предметного содержания, т.е. тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой [Томахин 1981: 67]. Другими словами, национально-культурное, а часто и историческое содержание в реалиях составляет ядро их значения. Именно в реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению новых языковых реалий. Причем время появления новых реалий можно установить довольно точно, так как лексика чутко реагирует на все изменения общественной жизни. Среди реалий всегда можно выделить реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы. Следовательно, можно утверждать, что реалии присущ соответствующий национальный (местный) и/или исторический колорит. Как справедливо отмечают болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин, именно колорит превращает «нейтрально окрашенную» лексическую единицу в «национально-окрашенную», т.е. реалию. «Колорит - это та окрашенность слова, которую оно приобретает благодаря принадлежности его референта - обозначаемого им объекта - к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе, благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиций, - одним словом, особенностей действительности в данной стране или данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох» [Влахов, Флорин 1986: 116].

Мы рассматриваем русские исторические реалии, то есть такие лексические единицы, которым присущ одновременно и национальный и исторический колорит. Как уже было сказано, национальная принадлежность референта является одним из категориальных признаков реалии вообще. Национальная принадлежность таких реалий как, например: *аршин, барин, дрожки, изба, извозчик, мужик, пуд, сарафан* очевидна. Наличие в тексте подобного рода реалии бывает достаточно, чтобы породить ассоциации, связанные с русским народом, с Россией.

Что же касается исторического колорита, то нам кажется необходимым более четко определить, что мы понимаем под исторической окраской подобных лексических единиц. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника. Их можно рассматривать в историческом плане, не теряя из виду их национальной принадлежности. Такие лексические единицы представляют одинаково исторические и национальные реалии. Это своего рода реалии-историзмы, обозначающие понятия, предметы, явления русской жизни в прошедшие эпохи, которые вышли из употребления в связи с исчезновением самих обозначавшихся ими понятий, предметов, явлений. Таким образом, русские исторические реалии - это слова и словосочетания, обозначающие предметы, понятия и ситуации, характеризующие определенную историческую эпоху в жизни России и не имеющие регулярных соответствий в английском языке.

Важнейшей предпосылкой для верной передачи реалий в переводе является знание переводчиком реалий ИЯ, верное представление о них. Такого рода экстралингвистическая информация составляет основу фоновых знаний, детерминирующих деятельность переводчика, как на этапе восприятия исходного текста, так и в процессе создания текста перевода. Фоновые знания переводчика, его знакомство с описываемой в тексте реальной ситуацией являются важнейшими элементами переводческой компетенции. Нами, в частности отмечалось, что незнание переводчиком соответствующих русских исторических реалий ведет к неправильной передаче или даже полному искажению смысла оригинала. Рассмотрим несколько примеров из корпусов текстов, вошедших в наше исследование:

...все осталось по-старому, только оброк кой-где прибавился, да барщина стала потяжелее... [Тургенев «Дворянское гнездо»].

...everything remained as before; only the rent was in some places raised, the mistress was more strict... [пер. Constance Garnett].

...внизу были лавочки с хомутами, верёвками и баранками [Гоголь «Мертвые души»].

Within on the ground floor, there stood a number of benches heaped with horse-collars, rope and sheepskins... [пер. D. J. Hogarth].

Из приведенных примеров видно, что переводчики очевидно не знакомы с такими явлениями и понятиями русской действительности (и, следовательно, с соответствующими лексическими единицами) как «барщина» или «лавочка». Отсюда - довольно нелепые казусы в переводе.

Переводчики широко применяют различные способы передачи реалий, выработанные переводческой практикой: транслитерация; калькирование, включая смешанные случаи (калька + транскрипция); перевод с помощью аналога, описательный перевод, лексико-семантические замены (генерализация, конкретизация, модуляция). В силу специфического характера исследуемых лексических единиц представляется необходимым подчеркнуть, что неотъемлемую часть общей стратегии переводчиков при переводе русских исторических реалий составляет культурно-прагматическая адаптация, которая предполагает с одной стороны, включение в текст перевода дополнительных пояснений и толкований соответствующих реалий, а с другой, опущение некоторых реалий, неизвестных иноязычному рецептору.

Опираясь на данные словарей, подкрепленные результатами собственного лингвистического анализа, мы можем сделать вывод о том, что очень незначительная часть русских реалий-историзмов имеет в ПЯ точные, однозначные соответствия. В подавляющем большинстве случаев переводчики должны искать свое решение, которое может быть обусловлено различными факторами лингвистического и экстралингвистического (прагматического) характера.

Если же говорить о конкретных предпочтениях в выборе способа перевода русских исторических реалий, то на основании проведенного сопоставительного анализа можно говорить о том, что преобладающими способами перевода русских исторических реалий в текстах переводов художественных произведений являются:

1) перевод с помощью аналога (46% случаев у русских переводчиков и 46,6% - у иностранных), например:

...почти все почтовые тракты мне известны... [Пушкин «Станционный смотритель»]

I know almost all the post-roads... [пер. A. Myers]

2) описательный перевод (20% и 17,9% случаев соответственно), например:

Через пять минут - колокольчик! ...и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную... [Пушкин «Станционный смотритель»]

Five minutes later comes the sound of bells and a state-messenger flings on the table an order for fresh horses [пер. I. & T. Litvinov].

Объяснением такой тенденции может служить влияние на стратегию переводчиков такого прагматического фактора как тип рецептора перевода. В данном случае это так называемые «усредненные рецепторы», т.е. типичные представители культуры ПЯ, которые обладают знаниями и представлениями, общими для большинства членов языкового коллектива. Переводчики русской классической литературы ориентируются именно на такого обобщенного англоязычного адресата. Его восприятие переводимого текста определяется не личностными характеристиками, а культурно-историческими особенностями данного народа, фоновыми знаниями об исторических реалиях русского языка, которые могут иметься, в принципе, у большинства носителей ИЯ, и отсутствовать, как правило, у большинства носителей языка, на который осуществляется перевод. Очевидно, что во многих случаях появления русской исторической реалии в тексте перевода знания

иностранным читателем о ней могут оказаться равными нулю. Для обеспечения адекватного понимания текста рецептором перевода, в частности английским, американским или любым англо-говорящим читателем, необходимо внесение поправок на прагматические различия между ИЯ и ПЯ.

Учитывая специфику анализируемых лексических единиц, их роль в передаче национально-исторического колорита соответствующих оригинальных произведений, можно было бы предположить, что переводчики будут широко использовать транслитерацию и калькирование для передачи на английский язык русских исторических реалий. Однако, как показывает материал нашего исследования применение этих способов перевода заметно ограничено (транслитерация: 7,8% и 8,1% случаев; калькирование: 3,9% и 4,2% случаев).

Конкретизация и модуляция как способы передачи русских исторических реалий не находят в текстах переводов широкого употребления (модуляция: 1,8% и 1,1% случаев; конкретизация: 0,6% и 0,4% случаев).

Анализируя общие стратегии перевода русских исторических реалий, нами были выявлены и случаи опущения реалий при переводе:

- Сынок! Желанный! - вопила, среди гама и дробного топота, старушка в поневе, протягивая руки [Бунин «Деревня»]

“Oh, sonny! Dear heart!” wailed an old woman, trying to be heard above the uproar and stretching out her arms [пер. О. Shartse].

По нашим наблюдениям опущение реалий применяется редко (2,1% случаев - у русских переводчиков, 3,6% - у иностранных переводчиков). Причиной такого переводческого решения может быть с одной стороны, невысокая функциональная значимость реалии в контексте, а с другой стороны, возможно, незнание переводчиком значения соответствующей русской исторической реалии.

Вместе с тем, в исследовании установлено, что иностранные переводчики чаще допускают разного рода ошибки при передаче русских исторических реалий (4% от общего числа случаев перевода реалий в отличие от русских переводчиков, у которых этот показатель равен 1,9%). Причиной такого соотношения является, на наш взгляд, разница в объеме фоновых знаний русских и англоязычных переводчиков. Русские переводчики как носители языка и культуры оригинала без сомнения лучше владеют экстралингвистической информацией, необходимой для понимания и, как следствие, правильной интерпретации и передачи на английский язык значений русских исторических реалий.

Таким образом, основываясь на сопоставительном анализе содержания текстов оригинала и перевода классических русских художественных произведений, можно сделать вывод о том, что будучи словами с ярко выраженной национальной спецификой, русские исторические реалии, т.е. те элементы подлинника, которые непосредственно связаны с культурой и историей данного народа, требуют к себе особого внимания.

Наличие таких безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые регулярные соответствия. Переводческой практикой выработан целый ряд способов передачи русских исторических реалий на английский язык.

Список использованной литературы

1. Бунин И. А. Деревня // Бунин И. А. Повести и рассказы. - М.: Моск. рабочий, 1983. - С. 16-127.
2. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. - М.: Высш. школа, 1986. - 416 с.
3. Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Избранные сочинения в двух томах. - М.: Худож. лит., 1984. - Т. 2. - С. 174-370.
4. Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Проза. - М.: Худож. лит., 1984. - С. 30-82.
5. Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. - 1981. - № 1. - С. 64-69.
6. Тургенев И. С. Дворянское гнездо. Повести. - М.: Худож. лит., 1979. - С. 127-280.
7. Bunin I. The Village / Tr. by Olga Shartse // Bunin I. Stories and Poems. - Moscow: Progress Publishers, 1979. - P. 50-91.
8. Gogol N. Dead Souls / Tr. by D. J. Hogarth. - London-Toronto: J. M. Dent & Sons LTD. - P. 5-206.
9. Pushkin A. The Tales of Late Ivan Petrovich Belkin / Tr. by Ivy & T. Litvinov // Pushkin A. Selected Works in Two Volumes. - Moscow: Progress Publishers, 1974. - Vol. 2. Prose Works. - P. 10-75.
10. Pushkin A. The Tales of Late Ivan Petrovich Belkin / Tr. by Alan Myers // Pushkin A. The Queen of Spades & Other Stories. - Oxford-N.Y.: Oxford University Press, 1997. - P. 4-69.
11. Turgenev I. A House of Gentlefolk / Tr. by Constance Garnett. - <http://www.bartleby.com/319/1>

КАК ПОДГОТОВИТЬСЯ К ИНТЕРНЕТ-ЭКЗАМЕНУ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ФЭПО) ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ?

Черных В. А.

Сыктывкарский государственный университет

Возможно, студенты и не задаются таким вопросом. Гораздо чаще, преподаватели задают вопрос: “Как подготовить студентов к этому экзамену?”. Известно, что к экзамену можно хорошо подготовиться, если вопросы и задачи сформулированы четко и ясно. Что показывает нам анализ демонстрационного и тренировочных ФЭПО-тестов по английскому языку?